

УДК 001**Духовность и свобода в российском общественном дискурсе
второй пол. 1980-х – начала 1990-х гг.****Алексина Арина Константиновна**

Аспирант,
кафедра философии и религиоведения,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
115184, Российская Федерация, Москва, ул. Новокузнецкая, 23Б;
e-mail: Mandarinkas13@mail.ru

Аннотация

В данном исследовании проводится анализ ключевых понятий, таких как "свобода совести" и "духовность", которые пережили значительные трансформации со второй половины 1980-х до начала 1990-х гг. Исследование опирается на методологию дискурсивного анализа, предложенную М. Фуко, и акцентирует внимание на изменении языка перестроечного периода и практиках общественного дискурса эпохи. Цель работы – выявить, как изменения в дискурсе способствовали реформированию понятий, которые были искажены советской идеологией. В результате анализа текстов того времени авторы статьи демонстрируют, что понятие "свобода совести" обогатилось духовно-нравственными аспектами. Новизна работы заключается в применении археологического подхода Фуко для интерпретации изменений в общественном дискурсе, что позволяет более глубоко понять механизмы трансформации идеологических терминов в условиях политических изменений. Статья вносит вклад в понимание процессов, которые формировали новую идентичность российского общества в переходный период, и подчеркивает значение языка в этом процессе. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать полученные данные для дальнейших исследований в области политической истории, культурологии и социологии, а также в образовательной деятельности для глубокого анализа исторических периодов России. Это делает статью актуальной для широкого круга специалистов, изучающих периоды больших социальных трансформаций.

Для цитирования в научных исследованиях

Алексина А.К. Духовность и свобода в российском общественном дискурсе второй пол. 1980-х – начала 1990-х гг // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 5А. С. 144-156.

Ключевые слова

Агитпроп; советский научный атеизм; свобода совести; «толстые журналы»; позднесоветский период; религиозный дискурс; общественно-политический дискурс; духовность.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в необходимости глубокого понимания культурных и идеологических трансформаций, происходивших в России в период перестройки и постперестроечных лет. Цель исследования структурировала следующие задачи настоящего исследования: 1) анализировать, как изменения в дискурсе влияли на переосмысление понятий "свобода совести" и "духовность", 2) исследовать вклад дискурсивных практик в формирование новой социальной идентичности, 3) выявить, какие факторы способствовали или препятствовали этим изменениям. Для осмысления механизмов идеологических трансформаций, в статье применяются следующие методы исследования: дискурсивный анализ, археологический подход М. Фуко и контент-анализ текстов перестроечного периода. Теоретической базой исследования послужили публикации ведущих исследователей и теоретиков, а также анализ первоисточников из периода 1980-1990-х годов, представленных в собраниях документов и научных монографиях. Практическая значимость работы заключается в разработке методических подходов к анализу идеологических изменений в историческом контексте, которые могут быть применены в дальнейших исследованиях по новейшей истории России, культурологии и социальной психологии. Это также важно для образовательной сферы, включая разработку учебных курсов по новейшей истории и культурной антропологии.

Методы

Для нашего исследования методологическим ориентиром выступает дискурсивный анализ текстов с опорой на «Археологию знаний» М. Фуко. Пристальное внимание нами уделяется как особому языку перестроечного периода, так и тем практикам общественного дискурса, которые мы относим к первым годам трансформационных процессов в постсоветской России.

Результаты

На наш взгляд, благодаря анализу избранных текстов, можно выявить самое важное свидетельство трансформации дискурса: в «толстых журналах» производится анализ языка, активно требуется его смена. Смена языка дискурса – это то, что впоследствии, с неизбежностью, приведет к трансформации ряда ключевых для позднесоветского дискурса терминов, а именно: «духовность» и «свобода совести». Также можно заключить, исходя из анализа текстов второй половины 1980-х гг., что в понятие «свобода совести» были включены все духовно-нравственные аспекты и все те составляющие, которые впоследствии, уже после распада СССР, вошли в законодательно закреплённое определение свободы совести и входят в современное дискурсивное поле.

Обсуждение

Усталость от шаблонов научно-атеистической официальной газетной печати и журналов-рупоров, идеологически ангажированных и не отображавших действительной картины советской жизни, вылилась в движение общественности навстречу социально-актуальным изданиям, обсуждающим проблемы, скопившиеся за десятилетия в официальной советской прессе. Разработка решений и разнообразие обсуждений этих проблем не только посредством обзорных статей, но и в целом благодаря расширению писательского и поэтического поля – это

характерная черта печати исследуемого нами периода. Пристальное внимание читательской аудитории принадлежит «толстым журналам», потому что тексты литературно-публицистического и общественно-политического содержания (художественные произведения, критические оценки, переписки и интервью) были высоко востребованы.

Стихи из «Нового мира» 1986 г. обращают на себя внимание постановкой важного вопроса о предметах веры и степени доверия.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

★

Вера

«Неверующие суеверны», —
Сказал мне, плечами пожав,
Епископ. И я согласился
С епископом, ибо он прав.
Не будем же лицемерны —
Ведь это нисколько не ложь:
Неверующие суеверны,
Не все хоть, но многие все ж.
Кто верует в сны,
Кто — в подкову,
Кто — ветру, что воеет в трубе,
Кто верит льстивому слову,
А кто — пустой похвальбе,
Но каждый ли верит себе?
Скажи мне:
Ты веришь себе?
Иди же по белому свету,
И дальних и ближних любя,
Но все ж исповедаю эту
Скромнейшую веру в себя.

Да будет твой путь неспокоен,
Но знай: побеждает в борьбе
Ученый,
Художник
И воин,
Сумевшие верить себе.

Рисунок 1 - Страница журнала «Новый мир»

Тексты журнала «Наш современник» 1985 – 1986 г. сосредоточены на высоком жизненном настрое человека. Содержание номеров – это, по сути, трансляция особого социального запроса и своевременный отклик на проблемы с молодежью, которая пытается как-то победить скуку, «будничность и серость» [Синицын, 1986, с. 3-12]. Считывается серьезная потребность в высоконравственном идеале, в некоем духовном стержне, воплощении внутренней силы и свободы человека: «Мы называем это доброй славой. Она всегда была высшим стимулом жизни, сегодня этот стимул дорог нам как сила, ведущая на активные позиции, но не меньше – как сила, зовущая к личному совершенству. Сегодня хочется говорить об этом во весь голос. Сегодня нам первостатейно нужен культ высоких личных качеств человека. Идея настоящего человека у нас должна быть снова поставлена в строй!» [Синицын, 1986, с. 11] На XXVI съезде компартии звучали высказывания в пользу того, чтоб закладывающаяся инфраструктура XXI в. стала не только самой производительной и экономичной, но и способствующей становлению высокодуховного и высоконравственного человека. Именно это провозглашали «главным требованием к техническому прогрессу» [Антонов, 1986, с. 142].

Особенной патриотично-советской интонацией у авторов стихов передается стремление к вышеупомянутой духовности. Это высокое, сильное до самопожертвования чувство транслируется в разных формулировках, отображает общественный настрой, и, в определенном

смысле, маркирует тексты второй половины и конца 1980-х гг.:

<...>... И я при жизни не пойму:
Как можно приказать не биться
Живому сердцу своему.
Когда оно с упорством редким
Стремится к людям тут и там,
К запрятанным в грудные клетки
Таким же бьющимся сердцам.
Когда по высшему закону
Оно принадлежит не мне,
А всем друзьям
И всем знакомым,
Народу,
Партии,
Стране... <...> [Туркин, 1986, с. 20].

Этюд делегата XXVII съезда КПСС «К Ленину» – еще одно из особых проявлений общественного дискурса [Устюжанинов, 1986, с. 107-113]. В канве «перестроечного языка» мы постоянно можем наблюдать отсылки и призывы к ленинизму в его особом, изначальном понимании, без наслоений и тех смыслов, которые «мешали» благоприятному росту общественной жизни. Посыл автора здесь однозначен: без знания Ленина, без глубокого приобщения к его текстам, не построить новую реальность, новое общественное сознание: «Нет, кажется, сегодня таких проблем, которые Владимир Ильич не осветил бы в своих трудах. Нет и не было, кажется, таких бед – больших ли, малых, – о которых он не предупреждал бы нас. Значит, его надо знать. Не делать вид, будто знаешь, а действительно глубоко знать. Нет ничего сильнее и прекраснее, чем правда о Ленине, чем правда Ленина» [Устюжанинов, 1986, с. 110-113]. Гарантом успешных трансформаций в жизни советского общества, таким образом, здесь выступает наследие сочинений Ленина, все его слова, либо написанные, либо сказанные, т. е. и – все с необходимостью стоит, по мнению автора, применять к жизни, к любому моменту и для любых нужд советских людей того периода. Его тексты, его речевые практики, таким образом, можно считать и фундаментом для перестроечного государственного устройства, и желаемым основанием образа идеально-нравственного человека, преданного исключительно ленинскому делу. В журнале ленинизм получает характеристику «бесценного, неисчерпаемого, вечно живого богатства» [Устюжанинов, 1986, с. 113].

У Сергея Данилова находим и конкретное описание свойств языка советской России.

В поэтическом осмыслении русский язык, используемый советским человеком в исследуемый нами период, – это не просто коммуникативный инструмент или один из элементов культуры, не только универсальное средство сближения разных народов России. Будучи «всеохватным», не требующим, по мысли поэта, в случае иностранных контактов перевода, поскольку уже вхож «в речь и душу каждого народа на правах духовного родства», этот язык оценивается как неповторимый и приводящий в волнение целую планету по очень простой причине. Всесильность такой национально-общественной единицы, как язык здесь обусловлена единственным, но чрезвычайно значимым для советского сознания фактом: его активно использовал Ленин.

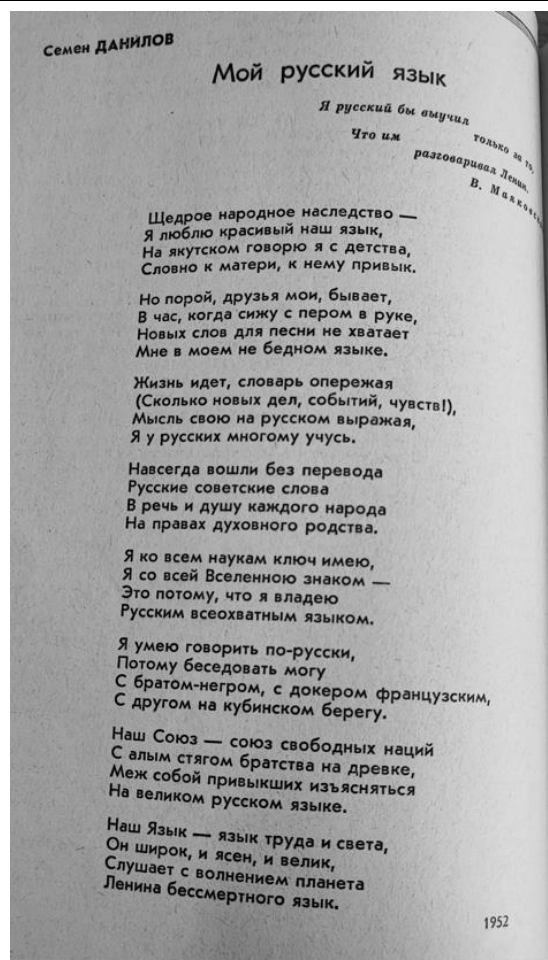

Рисунок 2 - Стихотворение С. Данилова

Историческая значимость и влияние такой политической фигуры, как руководитель ведущей партии в стране, идейный вдохновитель смены режима, – все это закрепило, практически и теоретически утвердило бессмертность языка. В развитии официально-атеистического, государственного дискурса – это одна из отправных точек. Опора на личность, прямая связь с наследием этой личности (труды В. Ленина были масштабными и русскоязычными) сделала язык жителей огромной страны трансграничным, способным преодолевать условные и безусловные границы. Но ленинизм как основное в советском дискурсивном языке – это только часть мнения общественности. Когда мы проводим анализ текстов «Нашего современника» позднесоветского периода, то видим и отчетливую критику языка со стороны общества. По прошествии нескольких лет мнение насчет «ленинского основания» не становится преобладающим. В «Нашем современнике» от 1987 г. переосмысляются «ленинские высказывания [Наш современник, с. 173], идет речь о «засоризмах» в языке [Наш современник, с. 180-190]. Для номеров журнала начала 1990-х также было характерно следующее:

- негативная реакция на «засилье масскульта» [Наш современник, с. 74-75] и информационной пропаганды [Наш современник, с. 152].;
- активное взаимодействие читателя и журнала;
- осмысление понятия «свобода» [Наш современник с. 179-181], ожидание того, как она

- «воспрянет», и списка сопряженных с нею различных ценностей [Наш современник с. 187-190], в том числе религиозных [Носов, 1991, с. 192];
- набирают популярность интервью о катастрофе в стране и о «лицах власти» [Носов, 1991, с. 144-155], о совести [Носов, 1991, с. 148];
  - демонстрируется еще одна перестроечная особенность дискурса – противопоставление «политизацией религии» и «религизации политики» [Наш современник, с. 43-52];
  - увеличивается число текстов о духовной культуре, о возрождении веры и христианстве [Наш современник, с. 10-11].

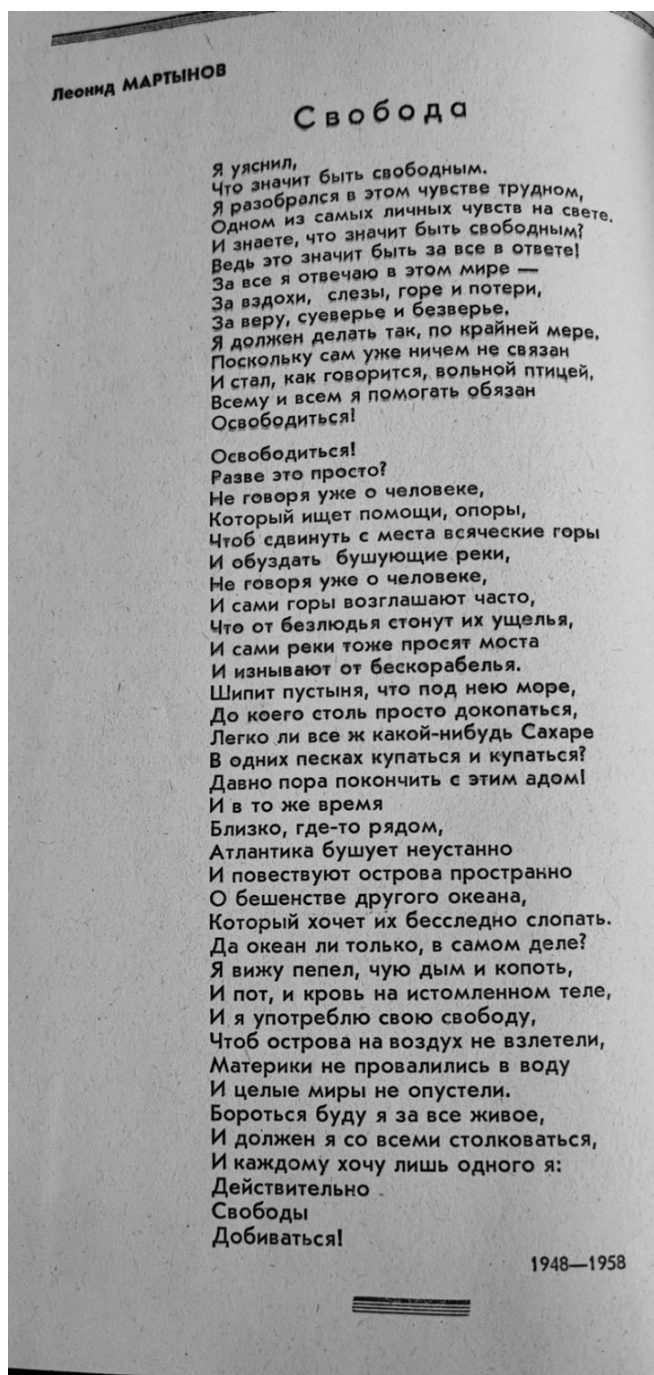

Рисунок 3 - Страница со стихотворением Л. Мартынова

В содержание журнала «Наш современник» от февраля 1986 г. вводится понятие, на котором мы сосредоточим исследовательское внимание и в дальнейшем, при анализе других «толстых журналов» перестроечного времени. Это понятие «свобода». Более всего нас в данной статье интересует осмысление свободы совести, но смежные с нею духовная, культурная, религиозная, нравственная, – все эти «свободы» также подлежат анализу, требуют к себе внимания и иллюстрируют состояние дискурсивных слоев позднесоветского периода. Благодаря тому, как в текстах отображены эти понятия, мы можем реконструировать картину того, что можно назвать трансформацией свободы совести и отследить пути этой трансформации. Леонид Мартынов, советский поэт, которому принадлежит следующее стихотворение [Мартынова, 1986, с. 138], в свое видение свободы включает особого рода ответственность:

Рисунок 4 – Стихотворение В. Казанцева

Свобода в стихах встречается повсеместно, это, можно сказать, общий лейтмотив литературно-публицистических журналов в исследуемый нами период. В 1990 г. в «Юности» свобода представлена не только как право задавать вопросы и получать ответы от других, но и иметь смелость самому держать ответ [Казанцев, 1990, с. 28].

Задачи литературы и, в первую очередь, «производственной прозы», которые позволяет выделить анализ критических статей журнала «Наш современник», заключались в следующем:

- «в художественном исследовании социально-нравственных, духовных основ труда, а не производственных проблем... <...> ... в анализе социальных отношений между людьми в свете социологического идеала личности» [Утехин, 1986, с. 170];
- в том, чтобы «исследовать глубинные процессы, происходящие в сердце и разуме человеческом»;
- в том, чтобы научить человека по художественному произведению «беречь, а значит, и

исповедовать истинные духовные и нравственные ценности».

У авторов текстов, которые писали свои произведения о простых советских рабочих возникла необходимость смещения текстового фокуса с пропаганды идеала «совершенного производства» на распространение идеи «совершенной, гармонично развитой личности». То, что полагалось в основу такой личности – социально-нравственные, духовные ценности, – это очередной маркер рассматриваемого нами периода. Важность здесь состоит в переосмыслении самой основы труда, его смыслового ядра. Практическая деятельность социалистически настроенных и преданных своему делу рядовых граждан приобретала особую значимость на идейном уровне не только благодаря диктовке партийного аппарата, а вследствие самооценности и глубины личностных качеств каждого трудящегося.

Кроме нарратива о духовном социализме, интересным для нашего исследования является осмысление понятия «совесть» как «правды» в контексте советской действительности. И оба этих понятия в печати фигурируют как смысл духовных поисков, неотъемлемые смысловые элементы нового, не сукожного языка, который стал превалировать в конце советской эпохи. К примеру, такие писатели, как В. Шукшин, в статьях литераторов конца 1980-х гг. своими произведениями помогали проявить это понимание духовности в огромном масштабе. Выделяются здесь, на наш взгляд, следующие формулировки: «Правда издавна – дело жизни, дело духовных исканий, дело художественной литературы... <...> ...Только человек, страдающий о подлинных ценностях души, способен сказать весомые слова о Правде, ибо она и Совесть – это не просто однопорядковые слова, а это однопорядковые явления жизни, неразрывные состояния беспокойной души... <...> Правда – категория духовности, категория эстетическая и нравственно-практическая ... <...> ... Правда человеческих отношений, правда души – это и есть воля, свобода» [Корольков, 1987, с. 152-153]. Определение совести из сочинений Ф. Абрамова литературный обозреватель «Нашего современника» разбирает, вслед за писателем, с другой позиции, поскольку в абрамовском определении на первый план выходят сознательность человека и его гражданская активность: «Этимологически близкие (со-весть, сознание), эти понятия неразделимы по существу. ... <...> ... Совесть, таким образом, есть та сила, которую можно назвать народностью души и исторической памятью, «памятью общества, усвояемую отдельным лицом», по определению Л. Толстого» [Васильев, 1987, с. 157].

В связи с тем, что источником веры в духовное всемогущество человека на страницах «толстых журналов» называют, в первую очередь, В. Ленина [Васильева, 1987, с. 156], считаем нужным обратить внимание на журнал «Юность». Он выделяется частыми цитатами из актуальных на тот момент программ КПСС и возрастающим от номера к номеру вниманием авторов к духовно-нравственным, религиозным и «свободным» темам, которые поднимаются и в прозе, и в поэзии. Начиная с форзаца издания, читатель с головой мог погрузиться в то, что официально называли работой над формированием особых личностных качеств советских людей.

Формирование и транслирование упомянутого нами выше нарратива о духовном социализме как особенность позднесоветского дискурса прослеживается также в статье о творчестве А. Платонова, насыщенной сопоставлениями идейных устремлений публицистики 1919 – 1920-х гг. и переосмыслением, спустя 6 десятилетий, того, о чем переживал и к чему призывал читателей своими произведениями Платонов [Платонов, 1986, с. 90-93]. Неизбежная «проверка временем» его творчества, выявив как разницу с прошлым, так и сходство – в атмосфере крутых общественных перемен, по чувству «реальности и осуществимости социального прогресса» [Платонов, 1986, с. 91].

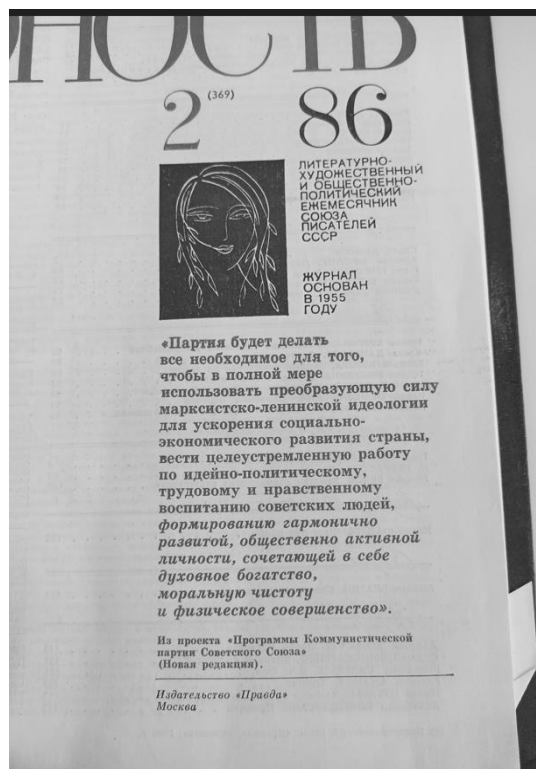

Рисунок 5 - Страница журнала Юность 2-1986

Так постепенно изменяется дискурсивное пространство, ранее загнанное в строго идеологические рамки. Зависимость термина «свобода совести» от процессов общественно-политической жизни, будь то перестройка или распад СССР, абсолютно прямая и логичная. Слом привычного мышления вынуждал искать и формировать новое, соответствующее реалиям жизни [Фролов, 1985, с. 81-102]. Об идеологическом, суконном языке советской печати и органов власти неоднократно говорят новые рупоры времени – «толстые журналы». В этих изданиях, как в тематических клубах, было реализовано общение с аудиторией на животрепещущие темы в режиме «вопрос – ответ». Письма в редакции таких журналов поступали массово и бесперебойно – это мы считаем свидетельством развития дискурсивных практик и их трансформаций от рамочного-шаблонного уровня до внятного диалога между теми участниками дискурса, от которых исходит запрос и теми, кто отвечает на него – между читателями и прессой. По отдельным рубрикам (например, «письма от читателей», «письма в редакцию») – легко можно отследить реакцию на информацию, подача которой старательно выверяется. От привычных потоков агитпропа, в итоге, эта информация выгодно отличается, поскольку учитывает голоса извне, стремится на практике к «действительной» свободе. Взаимный отклик, детальные обсуждения имели своим следствием выравнивание надорванной, не самодостаточной канвы общественной мысли. Это именно то, что можно назвать *перестройкой дискурсивного порядка* и ключевой особенностью позднесоветской и ранней постсоветской формаций. В схожем ключе происходит общение с аудиторией у Ролана Быкова, когда он осмысляет свои творческие поиски в кино и театре, получив широкий отклик со стороны зрителей. Источником для нашего анализа здесь является изложенный на страницах журнала «Юность» монолог режиссера, в основе которого общественный отклик на киноленту «Чучело» [Быков, 1985, с. 84-105]. Из ответов на поток вопросов от зрительного зала и из писем,

опуская глубокий эмоционально-душевный эффект, который фильм оказал на людей, выделим следующие моменты:

- актуальным в культурной сфере стало обсуждение «конфликта между высокой нравственностью, имеющей глубокие корни, духовностью, добротой и стихией мещанского равнодушия, жестокости» [Быков, 1985, с. 86];
- поиск духовного смысла и духовная связь поколений – это запрос, исходящий не только от состоявшихся взрослых, но и относящийся к детской личности как равноправной, цельной, важной; это запрос с целью никогда не забывать, насколько значимо становление человека в социуме и чем оборачивается бездуховность, бесчеловечность на определенных этапах этого становления.

Дискурсивные практики складывались, таким образом, в рамках двусторонней связи творцов и участников-зрителей, слушателей, потребителей информации внутри дискурса, которая различными способами поступала в массы, будоражила умы, стимулировала их, – все эти практики только набирали обороты к концу 1980-х гг. Распад СССР, который стал для общества России совершенным сломом привычных реалий, способствовал очередному витку дискурсивных изменений. Эти изменения пронизывали общество слой за слоем, а формирование и транслирование вышеупомянутого нарратива о духовном социализме из особенности позднесоветского дискурса трансформировалось в созидательный каркас для ряда понятий, в частности – для понятия «свобода совести».

В рубрике «точка зрения» в журнале «Родина» Анатолий Стреляный уведомляет читателей: «С апреля 1985 г. давление на прессу постепенно стало ослабевать... <...>... на страницы газет и журналов были допущены свидетельства уцелевших узников сталинских лагерей, а также появилась некоторая статистика репрессий и геноцида ... <...>... Оказывается, если пресса не свободна по-настоящему, то, при всей своей остроте и обличительном задоре, она все равно будет отражать, точнее – создавать на своих страницах несуществующую жизнь... <...>... она может быть очень даже напряженной и все-таки... выдуманной, подогнанной под желания и понятия новых сценаристов» [Стреляный, 1989, с. 7]. В последующих номерах «Родины» все чаще прослеживается тенденция анализа авторами понятий, сообразных общественным переменам. «Справедливость и совесть – главные, стержневые понятия перестройки», по словам М. Аймедовой [Аймедова, 1989, с. 20].

Подведем некоторый итог. Развитие дискурса о свободе совести в позднесоветскую эпоху не ограничилось только запуском разработки политического урегулирования религиозного вопроса к концу 1980-х гг. [История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг., с. 40-42] Анализ источников позволяет полагать, что после общественного и культурного «передела» советской действительности кон. 1980-х – нач. 1990-х гг. термин «свобода совести» лишается многозначности и обретает более целостную структуру, не отягощенную идеологическими предпосылками. Уточним: основа структуры термина обозначается нами как восстановление нравственного основания, первым этапом которого было возвращение к «ленинской духовности». И это представляет собой лишь начало действительных изменений термина «свободы совести». В дальнейшем развитие исследуемого понятия стало определяться новым законодательством начала 1990-х, свобода совести развивалась, в итоге, как комплекс динамичных явлений и практик постсоветской реальности, разработанных в ходе активности разных участников дискурса. Наполнение термина отражало и процесс примирения ранее «воинствующего атеизма с церковью», и процесс борьбы с репрессивным режимом, ограничениями прав человека и дефицитом духовности.

Заключение

Обзор литературно-публицистической печати второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. позволяет заключить, что высоко востребованными и, как следствие, часто обсуждаемыми, были концепты, на которых базировалось понимание «истинной свободы» в социалистическом ее понимании. С началом 1990-х становится все более очевидным, насколько сложно восстанавливать систему общечеловеческих ценностей и свобод, ранее искаженных идеологическими механизмами и разрушенных периодом преследования на религиозной и политической почве [Виноградов, 2020, с. 384-386]. Культурные, социально-политические и духовные лакуны заполнялись медленно и не всегда полезным для общества содержимым. Наиболее уверенные шаги в направлении сближения трех различных пластов – официального атеистического дискурса, официального религиозного дискурса и неофициального (церковного и диссидентского) – стали заметны в России после празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. Более твердыми эти шаги становились по мере смягчения политики в отношении религии и церкви и в отношении диссидентов, когда партия перестала нести функцию «думающей за всех инстанции» и «органа официального выражения мыслей общества». (См. Верт Н. Гл. XI. «Эпоха «развитого социализма» или «годы застоя» (1965 – 1985). / История Советского государства, 1900-1991 / Н. Верт; пер. с фр. [Н. В. Бунтман и др.]. - 2-е изд., испр. Москва: ИНФРА-М; Москва: Весь мир, 2000. - 544 с.) Практическое закрепление термина «свобода совести», каркас которого закладывался с оглядкой на тяжелый идеологический опыт, состоялось в начале 1990-х гг. и продолжается по сей день.

Библиография

1. 1990-й: опыт изучения недавней истории: сборник статей и материалов. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 816 с.
2. Аймедова, М. Наши корни, печали, надежды / М. Аймедова // Родина. – 1989. – № 4. – С. 20.
3. Антонов, М. Навстречу XXVI съезду. Гармония прогресса / М. Антонов // Наш современник. – 1986. – № 1. – С. 142.
4. Быков, Р. До и после «Чучела» / Р. Быков // Юность. – 1985. – № 9. – С. 84–105.
5. Васильев, В. Из колена Аввакумова / В. Васильев // Наш современник. – 1987. – № 4. – С. 157.
6. Виноградов, И. И. Бремя нашей свободы (1990) / И. И. Виноградов // Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология / Под ред. Н. С. Плотникова и С. В. Киришбаум. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 384–386.
7. Дискурсы свободы в российской интеллектуальной истории. Антология / Под ред. Н. С. Плотникова и С. В. Киришбаум. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 448 с.
8. История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 288 с.
9. История России XX век. Деградация тоталитарного государства и движение к новой России (1953–2008). Том III / под ред. А. Б. Зубова. – Москва: Эксмо, 2022. – 668 с.
10. Казанцев, В. Свобода / В. Казанцев // Юность. – 1990. – № 2. – С. 28.
11. Козлов, В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953-1985 гг. / В. А. Козлов. – Москва: ОЛМА-Пресс, 2006. – 446 с.
12. Корольков, А. Правда есть истина в действии / А. Корольков // Наш современник. – 1987. – № 2. – С. 152–153.
13. Мартынов, Л. Свобода / Л. Мартынов // Наш современник. – 1986. – № 2. – С. 138.
14. Мартынов, Л. Стихи / Л. Мартынов // Новый мир. – 1986. – № 1. – С. 146.
15. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1986–1993.
16. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1987. – № 10. – С. 173.
17. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1991. – № 1. – С. 74–75.
18. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1991. – № 3. – С. 152.
19. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1991. – № 7. – С. 4.
20. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1991. – № 9. – С. 43–52.

21. Наш современник. – М.: Изд. «Литературная газета», 1991. – № 11. – С. 10–11.
22. Новый закон о свободе совести: постановка проблемы // История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. – С. 40–42.
23. Носов, С. «Церковь должна кусаться!» / С. Носов // Наш современник. – 1991. – № 3. – С. 192.
24. Платонов, А. «И эта мука совести...» / А. Платонов // Юность. – 1986. – № 12. – С. 90–93.
25. Родина. – М.: Изд. газеты «Правда», 1986–1993.
26. Сеницын, И. Дело славы / И. Сеницын // Наш современник. – 1986. – № 1. – С. 3–12.
27. Стреляный, А. Подспудный спор / А. Стреляный // Родина. – 1989. – № 3. – С. 7.
28. Туркин, В. Стихи / В. Туркин // Наш современник. – 1986. – № 1. – С. 20.
29. Устюжанинов, А. К Ленину / А. Устюжанинов // Наш современник. – 1986. – № 2. – С. 107–113.
30. Утехин, Н. Ценности действительные и мнимые / Н. Утехин // Наш современник. – 1986. – № 11. – С. 170.
31. Фролов, А. Обыкновенное чудо / А. Фролов // Юность. – 1985. – № 3. – С. 81–102.
32. Юность. – М.: Изд. «Правда», 1985–1993.

Spirituality and Freedom in the Russian public discourse of the second half of the 1980s – early 1990s

Arina K. Aleksina

Postgraduate Student,
Department of Philosophy and Religious Studies,
Orthodox St. Tikhon's University of the Humanities,
115184, 23B, Novokuznetsk str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Mandarinkas13@mail.ru

Abstract

This study analyzes key concepts such as "freedom of conscience" and "spirituality," which underwent significant transformations from the second half of the 1980s to the early 1990s. The research draws upon the methodology of discourse analysis proposed by M. Foucault, focusing on the changing language of the perestroika period and the practices of public discourse of that era. The aim of the work is to reveal how changes in discourse contributed to the reformation of concepts that were distorted by Soviet ideology. As a result of analyzing texts from that time, the authors of the article demonstrate that the concept of "freedom of conscience" was enriched with spiritual and moral aspects. The novelty of the work lies in applying Foucault's archaeological approach to interpreting changes in public discourse, which allows for a deeper understanding of the mechanisms of transforming ideological terms in the context of political changes. The article contributes to the understanding of the processes that shaped the new identity of Russian society during the transition period and emphasizes the importance of language in this process. The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained data for further research in the fields of political history, cultural studies, and sociology, as well as in educational activities for an in-depth analysis of historical periods in Russia. This makes the article relevant to a wide range of specialists studying periods of major social transformations.

For citation

Aleksina A.K. (2024) Duhovnost' i svoboda v rossijskom obshhestvennom diskurse vtoroj pol. 1980-h – nachala 1990-h gg. [Spirituality and Freedom in the Russian public discourse of the second half of the 1980s – early 1990s]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (5A), pp. 144–156.

Keywords

Agitprop; Soviet scientific atheism; freedom of conscience; "thick journals," late Soviet period; religious discourse; socio-political discourse; spirituality.

References

1. 1990: the experience of studying recent history: a collection of articles and materials. Vol. 1. – M.: New Literary Review, 2011. – 816 p.
2. Aimesdova, M. Our roots, sorrows, hopes / M. Aimesdova // *Homeland*. - 1989. – No. 4. – S. 20.
3. Antonov, M. Towards the XXVI Congress. Harmony of progress / M. Antonov // *Our contemporary*. – 1986. – No. 1. – p. 142.
4. Bykov, R. Before and after the "Scarecrow" / R. Bykov // *Youth*. - 1985. – No. 9. – pp. 84-105.
5. Discourses of freedom in Russian intellectual history. Anthology / Edited by N. S. Plotnikov and S. V. Kirshbaum. – M.: New Literary Review, 2020. – 448 p.
6. Frolov, A. Ordinary miracle / A. Frolov // *Yunost*. - 1985. – No. 3. – pp. 81-102.
7. Kazantsev, V. Svoboda / V. Kazantsev // *Yunost*. – 1990. – No. 2. – p. 28.
8. Korolkov, A. Pravda is truth in action / A. Korolkov // *Our contemporary*. – 1987. – No. 2. – pp. 152-153.
9. Kozlov, V. A. Unknown USSR. The confrontation between the people and the government 1953-1985 / V. A. Kozlov. – Moscow: OLMA-Press, 2006. – 446 p.
10. Martynov, L. Poems / L. Martynov // *Novy Mir*. – 1986. – No. 1. – p. 146.
11. Martynov, L. Svoboda / L. Martynov // *Our contemporary*. – 1986. – No. 2. – p. 138.
12. Nosov, S. "The Church must bite!" / S. Nosov // *Our contemporary*. – 1991. – No. 3. – p. 192.
13. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya gazeta", 1986-1993.
14. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya Gazeta", 1987. – No. 10. – p. 173.
15. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya gazeta", 1991. – No. 1. – pp. 74-75.
16. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya gazeta", 1991. – No. 3. – p. 152.
17. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya gazeta", 1991. – No. 7. – p. 4.
18. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya Gazeta", 1991. – No. 9. – pp. 43-52.
19. *Our contemporary*. – M.: Publishing house "Literaturnaya gazeta", 1991. – No. 11. – pp. 10-11.
20. Platonov, A. "And this torment of conscience ..." / A. Platonov // *Youth*. - 1986. – No. 12. – pp. 90-93.
21. Rodina. – M.: Publishing house of the newspaper Pravda, 1986-1993.
22. Sinitsyn, I. The cause of glory / I. Sinitsyn // *Our contemporary*. – 1986. – No. 1. – pp. 3-12.
23. Strelany, A. The underlying dispute / A. Strelany // *Rodina*. - 1989. – No. 3. – p. 7.
24. The history of Russia in the XX century. The degradation of the totalitarian state and the movement towards a new Russia (1953-2008). Volume III / edited by A. B. Zubov. – Moscow: Eksmo, 2022. – 668 p.
25. The history of the state policy of the USSR and Russia in relation to religious organizations in 1985-1999. – Moscow: OLMA Media Group, 2010. – 288 p.
26. The new law on freedom of conscience: setting the problem // History of the state policy of the USSR and Russia in relation to religious organizations in 1985-1999. – Moscow: OLMA Media Group, 2010. – pp. 40-42.
27. Turkin, V. Poems / V. Turkin // *Our contemporary*. – 1986. – No. 1. – p. 20.
28. Ustyuzhaninov, A. To Lenin / A. Ustyuzhaninov // *Our contemporary*. – 1986. – No. 2. – pp. 107-113.
29. Utekhin, N. Real and imaginary values / N. Utekhin // *Our contemporary*. – 1986. – No. 11. – p. 170.
30. Vasiliev, V. From the tribe of Avvakumov / V. Vasiliev // *Our contemporary*. – 1987. – No. 4. – p. 157.
31. Vinogradov, I. I. The burden of our Freedom (1990) / I. I. Vinogradov // Discourses of freedom in Russian Intellectual history. Anthology / Edited by N. S. Plotnikov and S. V. Kirshbaum. – M.: New Literary Review, 2020. – pp. 384-386.
32. *Youth*. – M.: Pravda Publishing House, 1985-1993.